

Рубрику ведут
Татьяна Глуховская и
Сергей Хоршев-Ольховский

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА «АРИА»

Международный Союз литераторов и журналистов

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ писатель, редактор, вице-президент и председатель правления Международного Союза литераторов и журналистов «АРИА». Соавтор и ведущий литературных рубрик «АРИА НА ДОНУ». Автор многих произведений прозы: роман, повести, рассказы, очерки, юмористический цикл «Хуторские байки». Публиковался в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках в России, Англии, Германии, США, Канаде, Австралии, Израиле, Латвии, Литве, Украине, Кипре, начиная с 1994 г. На основании этих публикаций в свет вышли четыре книги: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины». За роман «Четыре бездны» и сборник донских рассказов награжден атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа именной казачьей шашкой, грамотой и медалью за возрождение казачества 2009-2010 гг.; лауреат диплома и золотой медали им. Франца Кафки в номинации «Проза 2011», присваиваемой Европейской унией искусств; литературной премии им. Олега Алексеевича Афанасьева 2015 г. и многих других наград. Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель Союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза. Проживает в Лондоне.

У меня был свой Чернобыль

Весной 1986 года я был на побывке в родных краях - на Верхнем Дону. В конце апреля среди казаков прошёл слух о взрыве на атомной электростанции в Украине. Верить людской молве не хотелось, да пришлось. Вскоре по степям заколесили мобильные группы со специальными приборами по выявлению уровня радиации в грунте и атмосфере.

Отпуск как раз закончился. Я вернулся в Литву - в Вильнюс. В то время я стал курсантом Вильнюсского военного училища МВД СССР и на какое-то время забыл в учебной суете о случившемся. Однако чернобыльская тема вскоре снова всплыла. Об этом шепотком заговорили между собой в коридорах и курилках преподаватели и даже упомянули, что весь состав училища могут направить в район Чернобыльской АЭС на охрану общественного порядка.

И это случилось. Все курсанты были направлены на полное - очень полное медицинское обследование. И тут у многих сдали нервы. У кого-то неожиданно появились мудрёные болезни, у кого-то травмы рук и ног, а кто-то откровенно отказался. Начальник училища сразу всех образумил, доложив на общем собрании, что симулянты и отказники будут не допущены к государственным экзаменам и в результате лишатся дипломов юристов-правоведов и воинских званий «лейтенант», которые должны были стать реальными всего лишь через полгода, да ещё, вдобавок, со всех будут вычтены деньги, вложенные государством на наше обучение. И даже грозил возбуждением уголовных дел. Все сразу успокоились и пошли к приехавшим прямо в училище докторам - слишком много стояло на кону. Часть из нас уже были женаты и имели детей, либо ждали их появления. А другая часть активно примерялась связать себя, буквально в ближайшее время, «Узами Гименея», так как знали, что многие попадут по распределению к чёрту на кулички - в северные, малообжитые районы нашей, тогда ещё не развалившейся на части необъятной родины. А там незамужних девушек, как говорится, днём с огнём... Благо, торопились и засидевшиеся в незамужестве девушки, почувствовав свой час.

Несмотря на жёсткий контроль со стороны руководства, несколько курсантов умудрились-таки прикупить какие-то справки о болезнях. В основном это были местные кадры - жители Литвы. В каждой группе, в обязательном порядке, были два-три местных кадра. Если они даже не набирали на экзаменах достаточного количества баллов (а конкурс был вполне приличный), их всё равно принимали. И вот они, будучи местными, находили какие-то лазейки: у кого-то отец был в дружбе с отцом знаменитого в то время на всю страну и даже на весь мир баскетболиста Сабониса, у кого-то отец был знаменитым портным и шил костюмы власть имущим, а у кого-то, видимо, просто были деньги... Но братья славяне - русские, украинцы и белорусы, сопровождаемые татарами и северокавказцами - адыгейцами, дагестанцами, осетинами, чеченцами, ингушами... загремели практически пол-

ным составом в места чернобыльские, радиационные. Немногочисленные кавказцы тоже, частично, умудрились как-то отвертеться от командировки.

Везли нас поездом Вильнюс - Гомель. Из Гомеля, до баз дислокации в белорусских городках Хойники и Брагин - автобусами. Я попал в Хойники. Нам сразу нацепили на грудь именные датчики, чтобы впоследствии знать, кто сколько получил микрорентген, и расквартировали в местной районной школе, классы которой были оборудованы под жилые помещения. На службу ходили парами. День дежурства - сутки выходной, ночь дежурства - двое суток выходной. Службу несли в пустых сёлах Полесья - напротив атомной электростанции. Перед заступлением на службу каждому выдавали две бутылки минеральной воды, привезённой извне, чаю из общего котла в собственный термос, из воды привезённой извне, сухой

телевизоры и радиоприёмники, на столах и лавках стояла посуда. Под столами и лавками вовсе была домашняя обстановка - под ними находились заготовки на зиму с прошлого лета: маринованные огурчики, помидорчики, грибочки, различные варенья. От всего увиденного становилось окончательно не по себе, мы старались поскорее выскочить на улицу. Похожие ощущения, на первых порах, возникали и в местных магазинчиках «сельпо», которые мы тоже обязаны были контролировать - там также всё в целостности и сохранности, всё стоит на полочках, как будто продавщица навела порядок всего лишь минутку назад и нагнулась под прилавок, чтобы сделать вам приятное - достать оттуда что-то дефицитное, не выставяемое на общее обозрение, и только поэтому её не видно. Рецепт был тот же - как можно скорее выскочить на улицу и как можно глубже вдохнуть в лёгкие чистейший, весенний полесский воздух, настоящий на хвое. От этого всегда становилось значительно легче и телу, и душе, и просветлённее голове. Но так было до определённого дня - до дня, когда в воздух поднимался вертолёт и всё кружил и кружил над зонами отселения и отчуждения.* Происходило это обычно в конце недели. Если на этот день выпадало дежурство, на душе вдруг становилось тревожно. Мы, к сожалению, заметили не сразу, что именно в это время на организм нападает какая-то необычная вялость, - слегка и как-то необычно ломит плечи, слегка и как-то необычно крутит суставы, слегка и как-то необычно давит в затылок, - и всё бродили и бродили, тяжело переставляя вдруг сделавшиеся слегка ватными ноги, по всё ещё лежащему мартовскому снегу, пассивно созерцая местный колорит и природу; а надо было бы лишний часок посидеть в это время на своём посту - обеззараженном специальными препаратами. Но кто это мог знать. Это чуть позднее выяснилось, к концу нашей полуторамесячной командировки, что во всём виновата радиация. Как известно, над четвёр-

МОЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

(Очерк)

30-летию аварии на Чернобыльской АЭС посвящается

паёк, привезённый извне, портативную рацию, штык-нож, фонарик и в путь. Автобус шёл по лукольцу - от Припяти до Припяти. Останавливался только в сёлах, расположенных друг от друга на расстоянии примерно 7-8 километров. Каждое следующее дежурство - в следующем селе. Делалось это потому, что уровень заражения в зоне отселения был разным. Перемещаясь, мы прошли все точки на лукольце и получили одинаковое количество радиации. При въезде в центр села дежурный офицер выкрикивал его название и две фамилии. Автобус останавливался, из него выпрыгивали два курсанта и молча шли по пустынной, безмолвной улице к специально оборудованному под наблюдательный пост дому. Одна из комнат дома была обеззаражена, в ней находились стол, два табурета, керосиновая лампа «летучая мышь» и печка. Происходила пересмена.

По долгу службы мы обязаны были по несколько раз в день обходить охраняемое нами село от края до края и заглядывать в дома и хозяйственные постройки - там могли скрываться от правосудия, от армии и ещё от каких-то неблагоприятных делишек люди. На первых порах удивлению нашему не было предела: всюду добротные подворья, всюду добротные дома и всюду тишина - ни единого движения, ни единого звука. Мы заглядывали во внутрь комнат, удивление усиливалось, даже охватывал озноб. Было весьма неприятное ощущение, что мы вероломно вламываемся в святая святых любого человека, в личное жильё, пока он вышел на минутку по неотложным делам. А когда заходили, совсем брала оторопь. Возникла уверенность, что хозяйка действительно выскочила из комнаты только на минутку. Всё об этом говорило. Всё. На стенах висели ковры, в буфетах были красиво расставлены бокальчики и вазочки, ровными рядками красовались тома популярных книг, в углах комнат устигались, чтобы не попадаться под руку хозяйкам,

взорвавшимся реактором построили изоляционный саркофаг. Со слов осведомлённых людей - офицеров химзащиты, осуществлявших замеры радиации и проводивших дезактивацию территорий и помещений, саркофаг этот не мог бесконечно накапливать и хранить под собой радиацию, поэтому купол время от времени приоткрывали, чтобы его не сорвало. Делалось это в конце недели. Всё дело в том, что ветры в тех краях дуют весьма своеобразно. Несколько дней подряд с севера на юг - с Белоруссии на Украину, и только в конце недели в обратном направлении - с Украины на Белоруссию. В этот самый момент приоткрывался саркофаг и в воздух поднимался вертолёт, чтобы контролировать ситуацию. Вертолёт часто пролетал над нашими головами, иногда достаточно низко - так, что видны были лица пилотов. Эти лица я впоследствии разглядел с близка, по телевизору. Пилоты получили в тех облётах огромное количество радиации. Они медленно умирали, нужна была срочная операция за рубежом - в Германии. Государство, пусть и развалившееся на части, пусть и ставшее беднее и слабее, обязано было обеспечить лечение своим героям. Но оно почему-то просило через экраны телевизоров посильной помощи у добрых людей... Общими усилиями пилотов отправили на лечение. К всеобщему сожалению, это лишь немного продлило им жизнь. И всё же продлило.

Описываемая ситуация с саркофагом на первый взгляд странноватая. Как только ветер начинал дуть с юга на север - на Белоруссию, так и приоткрывали саркофаг. Среди нас тотчас пошли такие разговоры: «Вот обьязели хохлы! Травят бульбашей!». Знаюки тут же объяснили и эту ситуацию. На север от Припяти лесистое и болотистое белорусское Полесье с малонаселёнными деревнями, жителей которых легче было отселить на новые места или защитить от радиации, чем густонаселённый юг - на юге двухмиллионный Киев, областные Чернигов и Житомир, множество других городов и городков.

Продолжение на 7-й стр.